

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.И. Овербек

Благопромыслительное положение
православной России и ее призвание
к восстановлению православной
западной католической Церкви

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 12. С. 1056-1075.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

БЛАГОПРОМЫСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ

И

ЕЯ ПРИЗВАНІЕ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЗАПАД-
НОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Соч. І. І. Овербека,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ И ФИЛОСОФІИ (И ПРОФЕССОРА ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ
АНГЛІЙСКИХЪ КОЛЛЕГІЙ). Гаазе, 1869.

*«Въ той пень возставлю скинію Да-
видову падшую, и возражду падшая
ея, и раскопанная ея возставлю, и
возражду ю яко же дніе впака». Амос.
9, 11.*

І.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, гуляя съ однимъ дру-
гомъ, богословомъ, коснулся я одного вопроса, важность
котораго, съ каждымъ днемъ, все больше и больше те-
перь выступаетъ. Мы говорили о прагматическомъ воз-
зрѣніи на исторію, которое любить открывать персть
Божій въ судьбахъ человѣковъ и народовъ, и домогается
изслѣдовать благопрмыслительный планъ міроправле-
нія. Мы говорили о возрастаніи и паденіи народовъ и
ихъ многообразномъ призваніи въ исторіи воспитанія

человѣчества. Въ этомъ случаѣ другъ мой высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „какъ романскіе народы должны были уступить мѣсто германцамъ, полнымъ молодой жизни; такъ и мы, сказалъ онъ, скоро вступимъ въ тотъ періодъ времени, когда славяне, пробудившись къ самосознанію, со всеѣмъ напоромъ силъ займутъ свое мѣсто въ исторіи, и возьмутъ себѣ ту роль на сценѣ міровой исторіи, которую указалъ имъ Божій Промыслъ“. Эти слова друга моего были для меня въ то время темны и загадочны; все однакожь мнѣ часто приходилось ихъ вспоминать. Онѣ казались мнѣ въ началѣ чѣмъ-то въ родѣ „огсиморова“ (1) ученыхъ, которые дѣлаютъ своимъ конькомъ какую-нибудь странную идею и пробуютъ на ней свое остроуміе. Но какъ мало по малу славянскіе народы стали пробуждаться и получать значеніе въ исторіи; какъ они видимо стали устраивать свой политическій бытъ и усваивать право свободнаго самоопредѣленія; то и слѣпой невольно увидѣлъ бы, что движеніе, начавшееся между славянами, не можетъ остаться безъ послѣдствій, и къ тому еще важныхъ послѣдствій, слѣдовательно требуетъ внимательнаго наблюденія. На первыхъ порахъ мы обыкновенно замѣчаемъ, что элементы движенія бываютъ еще грубы, народы еще неподвижны или неразвязны, механизмъ еще не довольно подвиженъ, и искомыя цѣли и средства, ведущія къ достиженію ихъ, темны и неопредѣленны. Далѣе—мы замѣчаемъ разныя ошибки въ выборѣ средствъ и способовъ; но самой злополучной ошибкой бываетъ то, что бросаются на чужое и чужому слѣпо подражаютъ. Что выросло не на своей собственной

(1) *Оксиморон* (ὀξύς, ἄσυνος) — странное сочетаніе противорѣчащихъ словъ, напр. *insaniens sapientia*. *Переводч.*

почвъ, или что не вполне однородно съ нею, то никуда не годится и только можетъ вредить подобно ядовитому или тунейному растенію. Славянскіе народы, также какъ и всѣ прочіе народы, выработывавшіе себѣ известное положеніе, еще часто будутъ ошибаться въ выборѣ средствъ, еще много сдѣлають промаховъ, еще многому должны будутъ учиться и во многомъ разучиться, прежде чѣмъ дойдутъ до того состоянія національной солидарности, которое внушаетъ къ себѣ уваженіе и которымъ обуславливается и упрочивается здоровый ростъ и которымъ, наконецъ, упрочивается особенность положенія въ кругу народовъ.

2.

Что доселѣ было сказано о славянахъ, то должно сказать и о всѣхъ молодыхъ народахъ, движимыхъ разными порывами. Они должны поплатиться за ученіе „durch Schaden klüg werden“, какъ это бываетъ и съ каждымъ изъ насъ въ жизни. Но славянское движеніе (Erhebung) имѣетъ *одну особенность*, которая не встрѣчалась и не встрѣчается ни въ какихъ другихъ народныхъ семействахъ, а именно — *стремленіе къ центру*. Правда, соплеменнымъ народамъ естественно примыкать другъ къ другу; но столь же естественно и рождаться между ними нѣкоторой ревности и опасенію, чтобы тотъ или другой изъ нихъ не захватилъ себѣ наибольшую власть, наибольшее вліяніе, и потомъ мало по малу, какъ бы не поглотилъ въ себя слабѣйшихъ изъ нихъ. Вотъ почему замѣчательно то явленіе, что славянскіе народы движутся въ направленіи къ Россіи, какъ къ центру. Даже тамъ, гдѣ политическія отношенія связали ихъ не съ славянскими государствами, они смотрятъ на

Россію, какъ бы на свой нравственный центръ. Безспорно, нѣкоторые славянскіе народы ревнуютъ по своей индивидуальной независимости, и всячески хотятъ сохранить свою національную самостоятельность; тѣмъ не менѣе, однакожь, они влекутся къ Россіи, влекутся, — не смотря на безпрестанныя возгласы иностранной прессы на любимую ея тему о страсти Россіи къ всепоглощенію. На чемъ же держится эта притягательная сила Россіи? Или то, можетъ быть, личная притягательная сила царя, который, подобно Карлу Великому или Наполеону, умѣетъ съединять народы въ одинъ очарованный кругъ? Или то, можетъ быть, русскія деньги, которыя заставляють славянскихъ братьевъ „русѣть“? Но откуда же Россіи взять столько денегъ, чтобы подкупить иностранныя правительства? И не говоритъ ли намъ ежедневный опытъ, что деньги могутъ только дѣлать льстецовъ, но никогда не могутъ привлекать сердца цѣлыхъ народовъ? Нѣтъ, не личное вліяніе, не подкупъ и интрига влекутъ сердца славянскихъ народовъ къ русскому центру; но есть *одна великая идея*, да, есть *величайшая идея*, какая только можетъ существовать для человѣка; *не безсодержательная идея*, нѣтъ, *идея, имлющая существеннѣйшую дѣйствительность*; и вотъ она-то нерасторжимо связуетъ славянъ съ Россіей, и связуетъ не прибѣгая ни къ какимъ пріемамъ поглощенія. Эта великая идея вовсе не то, что у политиковъ извѣстно подъ именемъ *всславянство*, нѣтъ, она безконечно выше; это есть—выразимся такъ—*всер православіе*.

3.

Жизненная сила *славянства* только тамъ прочна, гдѣ оно произрастаетъ изъ религіознаго корня *право-*

славія, и слѣдовательно дѣлается религіозно-политическимъ понятіемъ. Тамъ же, напротивъ, гдѣ на него смотрятъ, какъ на чисто политическое понятіе, онъ слабъ и шатокъ, какъ и сама политика, когда она не имѣетъ въ основаніи своемъ истинной религіи.

Въ Италіи и Германіи сильныя сдѣланы попытки въ видахъ объединенія и централизаціи: но гдѣ или что такое этотъ *Ran-Italismus*,—это *всеитальянство*? Это не больше какъ неудавшаяся попытка подвести подъ одну шапку различныя, отталкивающія другъ друга племена. Піемонтецъ ненавидитъ тосканца, тосканецъ ненавидитъ неаполитанца и пр. Религіознаго же союза вовсе нѣтъ; ибо папизмъ, невѣріе и суевѣріе по частямъ раздѣляютъ народъ.

Правда, сѣверо-нѣмецкій союзъ служитъ предвѣстникомъ объединенія Германіи; но положимъ, что это дѣло объединенія кончено: какой же выйдетъ отсюда *Ran-Germanismus* (объединеніе Германіи)? Тутъ выйдетъ воплощеніе новѣйшаго цивилизованнаго, безъ всякой религіи, государства, которое потому самому, что оно ни знать, ни слышать не хочетъ о существованіи истинной религіи, будетъ само въ себѣ носить многоплодную сѣмена раздора и распаденія.

4.

Въ новѣйшемъ смыслѣ цивилизованное государство есть произведеніе совокупныхъ дѣйствій протестантизма и римскаго католицизма въ области политики. Это есть вынужденная сдѣлка (*compromis*); это есть отчаянный *modus vivendi* непримиримыхъ противорѣчій. Тогда какъ каждый человекъ, вѣрующій въ Бога и въ безсмертіе души, убѣжденъ, что онъ сотворенъ Богомъ и для Бога,

и его конечное назначеніе за предѣлами сей жизни, что, слѣдовательно, *религія должна быть душою и основаніемъ его жизни*, новѣйшее государство говоритъ: „мы до того разошлись въ религіозныхъ мнѣніяхъ, что намъ нѣтъ возможности сойтись на какомъ-либо общемъ религіозномъ основаніи, и однакожь мы должны жить вмѣстѣ и въ одномъ домѣ. Чтожь тутъ дѣлать? Одно, а именно: ради добраго мира каждому предоставить религію, какъ частное дѣло, и затѣмъ заниматься только земными дѣлами. И такъ пусть государство отрѣшится отъ церкви и церковь отъ государства; пусть будетъ свободная церковь въ свободномъ государствѣ!“

Для поверхностнаго наблюдателя это умозаключеніе кажется дѣльнымъ и толковымъ, тѣмъ больше, что его провозглашаютъ, какъ аксіому новѣйшей модной политики, съ скамеекъ всѣхъ европейскихъ парламентовъ. Ужь конечно это должно быть истинно; иначе—какъ бы могли столь многіе просвѣщенные мужи сойтись во взглядѣ? „Гласъ народа, гласъ Божій!“ Но—пѣкогда и въ іудейской синагогѣ слышалось единоголасное и единоедушное: „распи, распши Его!“

Новѣйшія начала иррелигіознаго государства конечно были бы хороши и толковы, если бы государство и религія могли быть отдѣлимы; но это столь же невозможно, какъ если бы захотѣли въ живомъ человѣкѣ отдѣлить тѣло отъ души и душу отъ тѣла. И то и другое взаимно связуются между собою тысячами тончайшихъ нитей; и это-то взаимно-отношеніе и составляетъ жизнь человѣка; кто захотѣлъ бы раздѣлить эти связующія ихъ нити, тотъ просто причинилъ бы смерть. Даже врачъ, который ближайшимъ образомъ имѣетъ дѣло только съ нашимъ тѣломъ, долженъ бываетъ преж-

де всего брать во вниманіе духовное расположеніе и настроеніе своего паціента; иначе съ своими врачебными средствами онъ не уйдетъ далеко. А религія—эта душа человѣчества — должна быть отдѣлена отъ государства безъ всякихъ околичностей?!

5.

„Свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ — есть величайшая ложь нашего времени, и означаетъ не что другое, какъ „не-свободную церковь въ не-свободномъ государствѣ“. Конечно, есть области въ жизни государства и церкви, гдѣ эти двѣ власти не соприкасаются и дѣйствуютъ вполне независимо одна отъ другой. Въ этихъ областяхъ онѣ могутъ параллельно двигаться безъ всякаго столкновенія, подобно соподчиненнымъ силамъ: но гдѣ эта линія разграниченія, обуславливающая миръ? Она не существуетъ. Обѣ эти власти, съ свойственными имъ притязаніями, не явно ли вторгаются въ не принадлежащія имъ предѣлы? И борьба эта — начавшись разъ — не перейдетъ ли съ теченіемъ времени въ отъявленную разрушительную борьбу? Взглянемъ, на примѣръ, хоть на эти два спорные пункта, каковы: народное просвѣщеніе и бракъ. Безспорно оба они принадлежать къ области государства и церкви: пока эти двѣ власти идутъ рука объ руку и движутся на общемъ основаніи, то нѣтъ и вопроса, которой изъ нихъ по праву принадлежитъ почва взаимно воздѣлываемыхъ областей. Но какъ скоро нарушается гармонія между этими двумя властями, какъ скоро онѣ начинаютъ требовать опредѣленнаго дѣлежа отеческаго достоянія, для того чтобъ завести своимъ, независимымъ хозяйствомъ, то тутъ же начинается и споръ, — споръ не-

престающей, или кончающейся тѣмъ, что или одна власть поглощаетъ другую, или обѣ—одна о другую—сокрушаются.

Посмотримъ теперь поближе на эти два спорные пункта. Очевидно, что государство въ вопросѣ о просвѣщеніи должно находить жизненный интересъ: „теорія одурачиванія, которая нѣкогда имѣла въ виду большую массу служебныхъ лицъ обратить въ покорныя колеса мертвой машины, уже перестала существовать; ибо эти колеса начали мыслить и бросать искры, которыхъ нельзя было болѣе гасить. Народъ мыслить и хочетъ учиться и воспитываться. Тутъ-то государство выходитъ и говоритъ: „школа принадлежитъ мнѣ, ибо мнѣ слѣдуетъ заботиться объ образованіи народа, для того чтобъ изъ него выходили разумные граждане государства. Какъ государство обязано изыскивать гигиеническія средства къ благу своихъ гражданъ, такъ оно же считаетъ себя обязаннымъ пещись о духовномъ образованіи народа. Здоровое тѣло и образованный умъ суть основныя условія хорошаго гражданина; это-то именно школа моя и имѣетъ въ виду“. Напротивъ, выступаютъ тутъ церкви и говорятъ: „школа принадлежитъ мнѣ, ибо я должна заботиться объ образованіи народа, для того, чтобъ изъ него выходили добрые христіане. Цо христіанство такъ тѣсно связано со всѣми отраслями знанія, что едва ли найдется какой-либо отдѣлъ, который, такъ или иначе, не зависѣлъ бы отъ религіозныхъ или иррелигіозныхъ убѣжденій учителя. Одно преподаваніе религіи никакъ не можетъ удовлетворить требованій церкви, ибо религія должна входить во все школьное ученье. И вообще къ чему послужитъ преподаваніе религіи, если она систематически будетъ устраняема и

въ исторіи, и въ естествознаніи, и въ философіи и пр.?⁴ Кѣтожь изъ нихъ имѣеть право? И церковь и государство, только вмѣстѣ, а не порознь. Гдѣ же здѣсь свободная церковь въ свободномъ государствѣ? Посмотрите на землю Кавура. Тамъ заведены народныя школы, которыя отравляютъ ядомъ сердца и малыхъ и большихъ, которыя порождаютъ ненависть и къ религіи и къ служителямъ ея, которые внушаютъ и умственное и нравственное своеволие, и нерѣдко подаютъ тому примѣръ въ лицѣ самыхъ наставниковъ. И такъ не будетъ ли то простой провѣей говорить о свободной церкви тамъ, гдѣ эта церковь имѣеть только свободу терпѣть наемѣшки и поруганіе падъ собою? А что сказать о бракѣ? Государство имѣеть право знать своихъ гражданъ, слѣдовательно съ полнымъ правомъ можетъ вести свои гражданскія записи и вносить туда число родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся. Священники съ своей стороны, могутъ то же дѣлать въ своихъ приходскихъ книгахъ. Покуда все въ порядкѣ. Государство—ѣтому еще можетъ требовать, чтобы браки равно совершались и гражданскимъ образомъ, подобно всеѣмъ прочимъ договорамъ: оно можетъ тогда формально принимать ихъ къ свѣдѣнію. Но если государство имѣеть понятіе объ условіяхъ, продолженіи и значеніи брака, протвпное понятіямъ церкви, то тутъ неизбѣжно выходитъ непримиримая борьба, которая именно погому особенно и тяжела, что дѣло касается и чести и добраго имени, а это есть первое и верховное изъ земныхъ благъ чело-вѣка. Представьте себѣ теперь,—а эти случаи часто встрѣчаются,—что государство сочетаваетъ два лица, которыя, по уставамъ церкви, не могутъ быть въ брачномъ союзѣ. Не узаконяетъ ли въ семъ случаѣ государство

и не ограждаетъ ли этими законами отношеніе, которое, въ глазахъ церкви, незаконно? Государство, напротивъ, отвѣчаетъ: „миѣ нѣтъ дѣла до совѣсти брачующихся: съ дѣлами совѣсти пусть они обращаются къ своей церкви“. Но если теперь церковь скажетъ: „вашъ граждански-дѣйствительный бракъ не есть дѣйствительный предъ церковію, и потому не существуетъ предъ глазами Бога“,—что тогда должно дѣлать государство? Оно не обратитъ вниманія на голосъ церкви и останется при своемъ. Какія же отсюда слѣдствія? Во 1-хъ то, что противорѣчіе между гражданской и церковною практикою относительно брака необходимо погубитъ церковный авторитетъ; во 2-хъ, что государство ослабитъ значеніе брака и вмѣстѣ съ тѣмъ общественную нравственность, и въ 3-хъ, въ гражданское общество внесетъ разьединеніе, котораго церковь не можетъ устранить неразрушая сама себя.

И такъ мы видимъ изъ вопроса о школѣ и бракѣ, что дѣло идетъ не о „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, а что государство считаетъ себя единовластителемъ въ домѣ, на церковь смотритъ какъ на нѣчто несуществующее, распоряжается всѣмъ по произволу, и спокойно предоставляетъ церкви или довольствоваться его дѣйствіями, или сѣтовать и роптать про себя. Значитъ—„государство дѣлаетъ, что хочетъ“ т. е. наслаждается неограниченною свободой, а церковь дѣлаетъ, что можетъ“, т. е. столько, сколько позволяетъ ей дѣлать государство, слѣдовательно наслаждается несомнѣннымъ рабствомъ. Такъ скажемъ ли мы теперь: „несвободная церковь въ свободномъ государствѣ“? „Нѣтъ, и того не скажемъ: государство не свободно, когда оно вторгается въ чужую область. Время пока-

жетъ, что подобныя пріемы вызовутъ реакцію, которая иррелигіозное государство потрясетъ въ самомъ основаніи и поставитъ въ опасность самое его существованіе. Борьба уже началась и не скоро кончится.

6.

Кто виноватъ въ этомъ разъединеніи между государствомъ и церковію? Гдѣ корень этого зла? Многіе указываютъ на французскую революцію, какъ на исходный пунктъ новой эры, откуда начинается оторвавшаяся отъ церкви жизнь государства. Но откуда же происходятъ государственныя принципы французской революціи? Отъ англо-французской философіи энциклопедистовъ. А гдѣ же было основаніе этой философіи? Въ томъ началѣ свободныхъ изслѣдованій, которое введено и выработано было протестантизмомъ. А что извело на свѣтъ протестантизмъ? Романизмъ съ его безмѣрными духовными и свѣтскими притязаніями. Еще со временъ Виктора и Стефана папство стало показывать свое властолюбіе; но востокъ удерживалъ его въ должныхъ предѣлахъ. Притязанія Рима все больше и больше возрастали, такъ что, наконецъ, востокъ, вслѣдствіе не-каѳолическихъ нововведеній и требованій папства, долженъ былъ разойтись съ западной своей сестрой и предоставить ее самой себѣ. Римъ, т. е. западный патріархатъ, избавившись отъ контроля восточной церкви, сталъ тогда наслаждаться свободой во всѣхъ похотяхъ сердца. Въ краткій періодъ времени, въ продолженіе лѣтъ пятидесяти (1123—1179), онъ имѣлъ не менѣе трехъ, такъ называемыхъ вселенскихъ соборовъ, и все для того, чтобы западъ сдѣлать *единственнымъ* представителемъ каѳолической церкви, а папѣ усвоить главенствующее положеніе, ко-

торое и доселѣ составляетъ существо романизма, но *котораго церковь нераздѣльнаго христіанства никогда* не усвоила папѣ, и котораго самъ папа, въ тотъ періодъ времени, не отваживался домогаться, хорошо зная, что подобное притязаніе было бы отринуто. Римляне обыкновенно отождествляютъ первенство и главенство, какъ однозначущія понятія, а между тѣмъ именно въ существенномъ различеніи этихъ понятій и заключается правильное разумѣніе каеволичества, въ томъ его видѣ, какъ оно существовало до *схизмы* (?), и какъ оно доселѣ неизмѣнно существуетъ въ православной церкви. Ловкая ухватка римлянъ состоитъ въ томъ, чтобы со всей отвагой *инорировать*, не понимать этого различія, или просто увертываться отъ него; или, наконецъ, сдуть его, какъ пылинку. Если приматство необходимо заключаетъ подъ собою главенство, какъ его послѣдовательную форму развитія (такъ утверждаютъ римляне); то отъ чего же первые акты папскаго главенства, при Викторѣ и Стефанѣ, вызвали въ церкви такую бурю негодованія? Если бы тогдашніе епископы разумѣли подъ приматствомъ то, что разумѣетъ подъ нимъ настоящая римская партія, то отъ чего бы этой бурѣ подняться? Необъяснимо. Римляне слово—„первенство—*Primat*“ удержали, но *вложили въ него ложное не историческое понятіе*; сначала на приматство=первенство они положили клеймо супрематства=верховности или главенства, а потомъ легохонько и доказываютъ, что оба понятія однозначительны. Православная церковь всегда, напротивъ, крѣпко держалась той древней каеволической истины, что „первенство“ и „верховность или главенство“ суть два понятія, радикально различныя одно отъ другаго и отстоящія другъ отъ друга

еще дальше, чѣмъ небо отъ земли; что „приматство“ есть человѣческое учрежденіе, а „супрематство“ есть мнимо-божественное учрежденіе, и что между ними нѣтъ никакого сообщенія или перехода, т. е. что либо первоначально человѣческое не можетъ съ теченіемъ времени превратиться во что либо божественное, ибо здѣсь понятія различны одно отъ другаго не только *количественно*, но и *качественно*.

7.

Остановимся здѣсь на минуту; ибо вопросъ о первенствѣ и главенствѣ и составляетъ собственно тотъ пунктъ, откуда православіе и романизмъ расходятся между собою. Если бы могли согласиться въ этомъ пунктѣ съ праводушною и благорасположенною частію римскихъ католиковъ, то столь затруднительный, запутанный, повидимому, вопросъ, раздѣляющій западную и восточную церкви, разрѣшился бы самымъ простымъ образомъ. Правы тѣ, которые утверждаютъ, что папство (въ томъ его видѣ и развитіи, какія оно приняло послѣ схизмы) есть настоящая, *единственная* преграда въ соединенію двухъ церквей; этимъ мы вовсе не устраняемъ важность прочихъ спорныхъ пунктовъ, а хотимъ только сказать, что всѣ эти спорные пункты корнемъ своимъ лежатъ въ томъ главномъ пунктѣ, т. е. въ пунктѣ о папѣ, и съ нимъ вмѣстѣ распались бы заразъ. Если, на примѣръ, папство не есть всевластный главный органъ догматики и церковнаго права, — какъ утверждаютъ то римляне, то и „Filioque“ не есть догматъ, и ограниченіе епископской власти не есть невозвратимая потеря, и обязательное безбрачіе духовенства не есть обязующій, властный законъ церкви и пр.

Исходный пунктъ для надлежащаго различенія между приматствомъ и супрематствомъ представляетъ намъ папа Викторъ I, о которомъ Рудольфъ Вахманн („Die Politik der Päpste“, Elberfeld 1868—1869, Band I. p. 7) такъ говоритъ: „Викторъ I, при которомъ для многихъ ⁽¹⁾ папство исторически начинаетъ проявляться въ полномъ сознаніи той кафедры, которая ссылалась на Петра, въ дѣлахъ и богослуженія и вѣроученія, безспорно, велъ себя, какъ человѣкъ, ни на кого и ни на что не обращающій вниманія, какъ человѣкъ, которымъ обладаетъ іерархическая гордость; словомъ, то былъ прототипъ Григоріевъ и Иннокентіевъ. Но и онъ, подобно своимъ преемникамъ, *получилъ надлежащее вразумленіе*. Національныя церкви продолжали существовать одна подлѣ другой, не вредя единству духа, а именно—малоазійская, африканская въ Египтѣ и латино-африканская“. Но на той же страницѣ протестантскій писатель дѣлаетъ одно рѣзкое замѣчаніе, которое обличаетъ предъ нами романизмъ и увѣряетъ насъ, что онъ есть родоначальникъ протестантизма и врагъ православія, а именно: „такимъ-то образомъ вѣчный Римъ можетъ похвалиться предъ малоазійскою церковію, что онъ *не только держался древняго, обыкновеннаго, но зналъ еще и развитіе и прогресса*“. И такъ развитіе и прогрессъ на счетъ древняго, преданнаго Апостолами!—Ибо въ одномъ и томъ же дѣлѣ нельзя держаться древняго, и въ то же время поклоняться прогрессу, какъ то оказалось въ мадоазійскомъ церковномъ спорѣ. Но что же это за идея развитія и прогресса? На сколько она открывается въ римской церк-

(1) напр. „für den Römischen Katholiken Niehues, „Kaiserthum und Papstthum im Mittelalters“, Münster, 1863, S. 65).

ви въ области вѣроученія и апостольскаго преданія, это есть не что другое, какъ новѣйшая протестантская идея *усовершенности* (Perfectibilität) христіанства. Послушаемъ, что говоритъ ревнитель римскій, профессоръ Н. Hagemann („Die Römische Kirche und Ihr Einfluss auf Disciplin und Dogma in den ersten drei Jahrhunderten“. Freiburg in Breisgau, 1864). Вкратцѣ изложивъ замѣчанія Евсевія о спорѣ между Поликратомъ и Викторомъ, онъ такъ продолжаетъ: „Явно, здѣсь требовалось поддержать то, что прежде существовало и именно *въ угодію преданію*, не смотря на то, что умъ и христіанство (!?) говорятъ въ пользу лучшей, западной церковной практики. Здѣсь есть какая-то принужденная неподвижность, которая служитъ препятствіемъ всякому здравому прогрессу, т. е. *не законное преувеличеніе совершенно законнаго въ себѣ и церковнаго начала*“. И такъ традиціонное начало признается и церковнымъ и каеолическимъ, а только преувеличеніе не законно: между тѣмъ преданіе было на сторонѣ Поликрата, и однако же Викторъ былъ правъ! Что же и пользы въ преданіи, если оно невѣрно руководитъ нами? И что это за правила или начала, которыя должны охранять насъ отъ преувеличеній тамъ, гдѣ мы пользуемся преданіемъ? Гагеманъ отвѣчаетъ: *умъ и христіанство*. Слѣд. начало субъективнаго раціонализма, какъ его проповѣдуетъ протестантизмъ, есть первое начало, которое должно руководить нами при выборѣ и употребленіи преданія! Если же теперь умъ Поликрата говорилъ, что всего разумнѣе держаться апостольскихъ предписаній и наставленій, потому что Апостолы конечно лучше должны были знать дѣло, чѣмъ мы, то умъ Поликрата не столь же ли былъ полномоченъ въ

своихъ правахъ, какъ и умъ Виктора, приведшій къ противоположному результату? Но всегда вотъ такъ и бываетъ въ царствѣ рационализма: только собственный умъ есть „умъ“, а все прочее, уклоняющееся отъ него „безуміе“. Что же подъ вторымъ началомъ разумѣеть г. Гагеманъ, т. е. что онъ разумѣеть подъ христіанствомъ, того мы не знаемъ, да вѣроятно и онъ самъ столь же мало знаетъ. Христіанство учитъ насъ *держатъ* преданіе (2 Сол. II, 15), а не передѣлывать его подъ ладъ рационализма.

Гагеманъ продолжаетъ: „для объясненія этого преувеличенія въ дѣлѣ преданія у малоазійцевъ, очень кстати указать на письмо Фирмилиана кесарійскаго къ Кипріану, по вопросу о значеніи еретическаго крещенія. Папа Стефанъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, ссылался по этому дѣлу на преданіе. Отъ всякой новизны, говорилъ онъ, должно уклоняться и преданіе должно сохранять ненарушимо. Этимъ уваженіемъ преданія онъ сильно затронулъ малоазійцевъ. Отъ того Фирмилианъ въ письмахъ своихъ къ Кипріану нарочито и неоднократно касается этого пункта. Повидимому, почти вся цѣль его и состоитъ въ томъ, чтобы обезсилить этотъ наиболѣе сильный аргументъ своего противника. Онъ замѣчаетъ: *сами Римляне не во всѣхъ случаяхъ соблюдаютъ то, что первоначально было предано, и потому напрасно укрываются подъ авторитетъ Апостоловъ*. Стефанъ домогался снова выдвинуть то верховенство, которое напрасно силился ввести Викторъ. Какъ Викторъ для этой цѣли ослаблялъ преданіе, такъ Стефанъ дѣлалъ тому противное, въ спорѣ своемъ о еретическомъ крещеніи, *потому и онъ-де побѣдилъ*. Да, вообще дѣло христіанства пошло бы гораздо лучше,

если бы Стефанъ и прочіе папы апостольское преда-
ніе сдѣлали руководною для себя нитію во всёхъ сво-
ихъ притязаніяхъ. Но—какъ очень сильно и вѣрно за-
мѣтилъ Фирмилианъ—можно ли тому ссылаться на пре-
даніе, который въ одномъ пунктѣ опирается на него,
а въ другомъ устраняетъ его отъ себя? А такова
именно практика папъ: покуда преданіе говоритъ имъ
въ ихъ пользу, они призываютъ его на помощь, а
какъ скоро оно начинаетъ свидѣтельствовать противъ
лихъ, они или игнорируютъ его, или поддѣлываютъ
его, или не придаютъ ему никакой важности.

8.

Таково естественное слѣдствіе перворо наго грѣха,
что папское высокомѣріе продолжало себѣ строить
храмъ самообожанія. Богъ попустилъ то, какъ Онъ
попустилъ и построеніе башни Вавилонской; но Онъ
устроитъ такъ, что эта башня не вознесется до небесъ.
Подчиненіе Риму—вотъ лозунгъ папъ, жаждущихъ гла-
венства. Покуда уступали и подчинялись имъ, они бы-
ли, говоря вообще, благосклонными и снисходитель-
ными господами (Hergen): не очень то строго смотрѣ-
ли за тѣмъ и за другимъ, и путь къ небу не особен-
но дѣлали труднымъ. А вотъ когда св. Меодій ввелъ
славянскую литургію, не испросивъ напередъ покор-
нѣйше позволенія паны, то сейчасъ вышелъ самый
непріятный споръ, о которомъ Вахманн такъ замѣчаетъ:
(II. S. 56): „главное, на что смотрѣлъ во всемъ этомъ
дѣлъ папа, было то, какъ бы *это подчинить Риму*:
то же замѣтно и въ письмѣ къ Salona, гдѣ имѣется
въ виду и грековъ и славянъ расположить къ подобному
подчиненію (Jaff. № 2481, Hergenröther II, 611). Лишь

бы главенство папскаго престола было признано, *хотя бы то на словахъ*, Иоаннъ былъ бы готовъ на уступки, онъ не сталъ бы настаивать и на *Filioque*, и слѣд. не пошелъ бы противъ Фотія, съ которымъ въ послѣднее время онъ снова примирился“.

Пока папское главенство ограничивалось только тѣмъ, чтобы покорять себѣ владѣтельныхъ князей и епископовъ и всѣхъ и все видѣть у ногъ своихъ, дѣло еще было сносно. Но когда папа восхотѣлъ быть и властителемъ *Вѣры*, когда онъ вздумалъ, по своему произволу ковать (*schmieden*) и *догматы* и *каноны*, тогда открылось—сколь разрушительна была его власть для церкви. И не удивительно: главенство, выродившееся изъ небреженія къ апостольскому преданію, должно было распространить свой произволъ и на залогъ вѣры; все однако же благоговѣйная боязнь предъ лицомъ восточной церкви и союзъ съ нею удерживали покуда Римъ въ предѣлахъ православія. Были правда и тогда нѣкоторыя особенныя западныя *мнѣнія*; но только послѣ схизмы папа имѣлъ духъ, или лучше—дерзкую отвагу возвести ихъ на степень догматовъ. За тѣмъ, когда уже папство выступило разъ на эту стремнистую дорогу, конца не было развитіямъ, и не будетъ, или лучше—кончится тѣмъ, что изъ первой лжи, будто папство есть *Iuris divini*, божественнаго происхожденія, извлечено будетъ конечное слѣдствіе, будто папа и непогрѣшимъ—*будете яко божи!* Такимъ то образомъ первая и послѣдняя ложь, подобно змію, который кусаетъ себѣ хвостъ, встрѣтятся между собою въ заколдованномъ своемъ кругу.

Не удивительно, что такое злокачественное созданіе, каково „главенство“ и для построенія своего пользо-

вадось дожью и обманомъ. „Основаніе и утверждене римской церковной власти совершилось“, какъ говоритъ Frohschammer (*Das Recht der eigenen Überzeugung*, Leipzig, 1869), большею частію посредствомъ поддѣлокъ, въ особенности же посредствомъ такъ называемыхъ ложныхъ исидоровыхъ декреталій; посредствомъ поддѣлокъ, которыя состояли въ томъ, что права и опредѣленія, усвоенныя римскою церковію въ позднѣйшее время, переносимы были на времена гораздо древнѣйшія, чѣмъ и уваженіе къ нимъ ограждалось и значеніе ихъ утверждалось. Что бы тутъ ни говорили, вѣрно только то, что эти поддѣлки, — и въ большомъ размѣрѣ, — оказывались въ пользу римской іерархіи, и что они дознаны, какъ поддѣлки, и, какъ поддѣлки, открыто обличены только въ позднее время, — и кому же еще — дознаны и обличены не римскою церковію, а наукою; такъ что въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій верховная церковная власть и ссылалась на эти ложные документы, и основывала на нихъ свои притязанія, и отражала ими всякое противорѣчіе или прекословіе. Спрашивается теперь: достойно ли это дѣйствительно божественнаго авторитета? Могутъ ли такая фальша и такой обманъ быть правымъ основаніемъ для церкви, яже есть столпъ и утверждене истины? И почему, если папство непогрѣшимо, не тотчасъ же оно узнало этотъ обманъ и не тотчасъ же отвратилось отъ него? Такъ нельзя возражать, будто это было дѣломъ историческаго изслѣдованія, ибо здѣсь идетъ рѣчь не о простыхъ, обыкновенныхъ историческихъ фактахъ, но о такихъ фактахъ, на которые ссылались для основанія божескаго права, и на которыхъ римская іерархія утверждала свои высшія, крайнія притязанія. Поло-

жимъ, теперь будутъ предложены церкви подобныя поддѣлки, подъ печатію ненарушимаго молчанія, — и также для того, чтобы основать на нихъ извѣстныя притязанія: ужели церковь, при всей сокровенности дѣла, закрытаго отъ всѣхъ и для всѣхъ, не должна будетъ отказаться отъ нихъ, и отказаться въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, именно потому, что она праведна и свята? Такъ вотъ, какъ теперь, такъ и тогда она должна была сдѣлать это, въ огражденіе своей правды и святости; и если она была дѣйствительно непогрѣшима, то она тотчасъ же должна была распознать этотъ обманъ, потому что обманъ этотъ касался *ея собственнѣйшаго внутреннѣйшаго существа*. Ужели Богъ могъ бы основать непогрѣшимый церковный авторитетъ, не давъ ему способности распознать такую фальшу, которая, рано или поздно, такъ странно должна была компрометировать его и навести сомнѣніе не только на его прозорливость, но и на обыкновенную честность? Слѣд. непогрѣшимость папы и здѣсь не оказывается какъ что либо фактическое, ибо наукѣ, а не ей суждено было распознать и открыть эту фальшу. Какъ же теперь этотъ церковный авторитетъ можетъ наставить науку на всякую истину и быть для государства неложнымъ вождемъ ко всякой истинѣ и правдѣ, послѣ того какъ онъ въ собственной своей организаціи, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, не сумѣлъ распознать означеннаго обмана?

Протоіерей Е. Поповъ.

(Окончаніе будетъ.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки